Федор Михайлович Достоевский

К 75-летию со дня смерти

* * *

В Омском остроге

В статейном списке, составленном на государственных политических преступников, содержавшихся в 1850 году в Омской крепости, о Ф. М. Достоевском в графе «За что сослан» показано: «За принятие участия в преступных замыслах, распространение письма литератора Белинского, наполненного дерзкими выражениями против православной церкви, верховной власти и покушение вместе с прочими к распространению сочинений против правительства посредством домашней литографии». А на вопрос: «Какое знает мастерство и умеет ли грамоте?»—дан ответ: «Чернорабочий, грамоту знает». Так квалифицировал комендант Омской крепости генерал-майор де Граве писателя, произведениями которого («Бедные люди», «Неточка Незванова») зачитывалась в ту пору вся Россия.

Достоевский провел в Омске в казематах четыре года (1850—1854 год). Князь Горчаков, бывший в то время генерал-губернатором Западной Сибири, не пожелал облегчить участь писателя, и в Омском остроге Достоевский испытал всю тяжесть каторжной жизни.

Утрами по унылым улицам города тянулись вереницы людей, закованных в кольчатые кандалы-«мелкозвон». Вместе с другими арестантами, закованный в кандалы, с обритою наполовину головою, ходил выполнять «каторжные уроки» и Достоевский — разбирал старые, прогнившие баржи, вмерзшие в иртышские льды, переносил кирпичи для постройки казарм, рыл котлованы, вертел огромное тяжелое точильное колесо в инженерных мастерских.

Летом арестантов-чернорабов, тех, что не знали ремесла, отправляли под усиленным конвоем за город на кирпичный завод. Работа на кирпичном заводе считалась самой трудной. Но Достоевский да и все арестанты охотно ходили на эту работу: «Потому что завод стоял за пределами города на открытом, вольном месте...».

Вместе с другими каторжанами Достоевский копал глину на иртышских крутоярах, перетаскивал ее к глиномятной яме, месил скользкую красноватую массу, лепил кирпичи для будущих омских казарм и канцелярий, а в короткие передышки жадно вглядывался в могучую реку, в степь, лежащую на другом берегу, ловил там признаки иной, вольной жизни — одинокий дымок костра, конус юрты, полет незнакомой птицы. Ему даже казалось, что он слышал обрывки далекой степной казахской песни.

Эти степные иртышские просторы хоть на короткое время помогали писателю отвлечься, забыть о тяготах страшного острожного бытия. Не случайно в «Записках из мертвого дома» Достоевский так часто обращается к Иртышу, к степи.

За крепостными воротами вкривь и вкось раскинули свои улочки и переулки омские форштадты—Кадышевский, Бутырский, Мокринский, Подгорный, убогие деревянные хибарки, землянки. В словаре Российского государства Афанасия Щекотова об омских форштадтах сказано кратко и выразительно: «Хижины их не заслуживают наименований домов. А жители здешние суть бедны и едва снискивают себе пропитание».

Но среди этих отягощенных нуждой и различными повинностями, едва снискивающих себе пропитание жителей омских форштадтов было больше всего отзывчивых душ, стремившихся помочь каторжанам, скрасить их участь. Из убогих форштадтских домишек беспрерывно шла «милостыня» арестантам.

Омских мастеровых, солдатских вдов и дочерей вспоминал Достоевский, когда писал: «Высший класс нашего общества не имеет понятия, как заботится о несчастных... весь наш народ».

Поддерживала политических каторжан, понимала свой долг перед писателем, брошенным царизмом на каторгу, и передовая, демократически настроенная интеллигенция Омска. Если тупоголовый «вельможа-громовержец» князь Горчаков не пожелал облегчить положение Достоевского, если «мелкий варвар» плац-майор Кривцов, по воспоминаниям современников, хотел высечь заболевшего Достоевского розгами, если высшая омская знать равнодушно отвернулась от закованного в кандалы писателя, то были среди рядовых сибирских офицеров и чиновников люди, искренне стремившиеся помочь ему, облегчить его участь. Это—офицер-подпоручик Константин Иванович Иванов, доктор Троицкий, время от времени забиравший политических каторжан на передышку к себе в госпиталь, фельдшер того же госпиталя, хранивший «Сибирскую тетрадь» Достоевского, караульные офицеры Омского острога. Очевидно, этих людей имел в виду Достоевский, когда писал своему брату: «Омск гадкий городишко... грязный, военный и развратный в высшей степени. Если бы не нашел здесь людей, я бы погиб совершенно».

На одной из убогих, грязных улиц Бутырского форштадта стояло длинное, одноэтажное деревянное здание, окрашенное в желтый цвет. В этом желтом доме помещался военный госпиталь. Тут же были и арестантские палаты. (Здание это сохранилось до наших дней). В арестантских палатах не раз лежал Достоевский.

Многие страницы «Записок из мертвого дома» посвящены Омскому госпиталю. В госпитале же, по свидетельству мемуаристов, Достоевский начал первые наброски своей повести.

Зимой 1852 года омские каторжане начали готовить к рождественским праздникам спектакль. Этот спектакль описан в «Записках из мертвого дома» и воспоминаниях польского политкаторжанина Шимона Токаржевского, отбывавшего каторгу в Омском остроге в одно время с Достоевским.

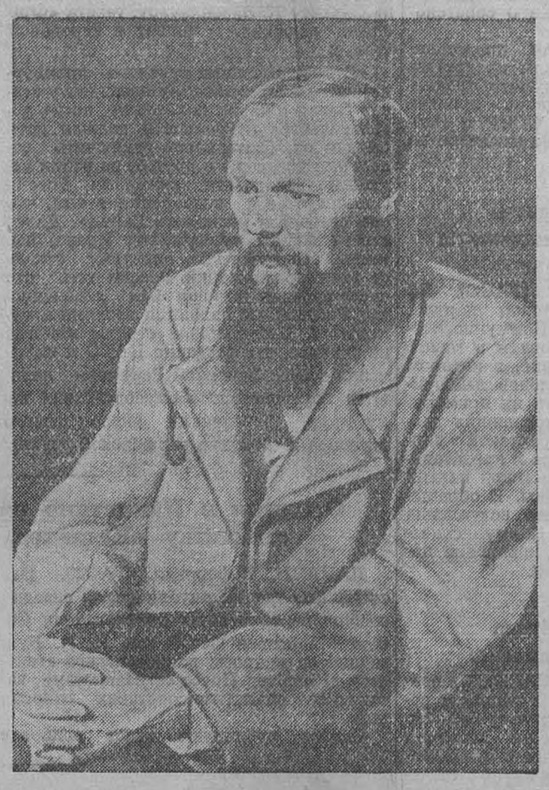
Достоевский не рассказывает о своем участии в подготовке этого представления, он лишь мельком отмечает, что некоторые арестанты советовались с ним. Но Шимон Токаржевский в своих воспоминаниях очень определенно пишет: «Импровизированными артистами в качестве режиссера был писатель Федор Достоевский для указаний, как по театральному надо говорить и прочее».

Каторга столкнула Достоевского-режиссера с народными песенниками, музыкантами, актерами. «Сколько сил и таланту погибает у нас на Руси, иногда почти даром, в неволе, в тяжкой доле»,—с горечью восклицает Достоевский, описывая это театральное представление в каземате Омского острога.

В неволе русский царизм пытался задушить писательский талант Достоевского. Каторга искалечила Достоевского физически и морально, «стеснила дух», но не смогла погасить зоркого, умного писательского глаза. В остроге перед ним раскрылись страницы народной жизни, душа народа—щедрая и могучая. «Сколько я вынес из каторги народных типов, характеров,—писал Достоевский брату...—Если я узнал не Россию, то народ русский хорошо и так хорошо, как может быть немногие знают его».

В Омском остроге—«мертвом доме» у писателя вызревали страницы страстной, суровой книги об угнетенном народе. Несмотря на все заблуждения Достоевского, его «Записки из мертвого дома» в бурные 60-е годы воспринимались современниками, как гневное обличение гнусной российской действительности.

М. ЮРАСОВА.



Омичи чтут память писателя

Трудящиеся Омска и области вместе со всем советским народом и общественностью всего мира широко отмечают 75-летие со дня смерти великого русского писателя Федора Михайловича Достоевского. С Сибирью, с нашим городом связан определенный период жизни писателя.

На предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях Омска, в колхозах, МТС и совхозах области проходят беседы о творчестве и жизненном пути писателя. Чтение лекций организуют Общество по распространению политических и научных знаний и лекционное бюро. Кафедра русской литературы Омского пединститута проводит расширенное заседание, посвященное 75-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского.

Областное литературное объединение, книжное издательство и областная библиотека имени А. С. Пушкина сегодня проведут собрание членов литобъединения, читателей и представителей предприятий и культурных учреждений города. С докладом «Великий русский писатель Ф. М. Достоевский» выступит главный редактор издательства т. Дусавицкий. Сообщение на тему «Достоевский в Омске» сделает директор областного краеведческого музея т. Палашенков. Поэт Ю. Шухов прочтет стихи, посвященные писателю. Артист облдрамтеатра Г. Келлер выступит с отрывками из произведений Достоевского.

Исполком городского Совета депутатов трудящихся вынес решение установить мемориальную доску на Тарских воротах Омской крепости, в которой отбывал каторжное наказание писатель.

Областной комитет радиоинформации провел несколько радиопередач, популяризирующих произведения писателя и рассказывающих о его творческом пути.

Операторы Московской и Новосибирской кинохроники засняли на пленку ряд моментов подготовки к юбилею и места, связанные с пребыванием в Омске Ф. М. Достоевского.

Признание большого вклада

1956 год совпадает и с другой знаменательной датой. 30 октября исполняется 135 лет со дня рождения писателя, что, несомненно, также привлечет внимание общественности.

Память Федора Михайловича Достоевского чтится не только в Советском Союзе. Всемирный Совет Мира постановил отметить в этом году юбилей корифеев мировой культуры, таких как австрийский композитор Моцарт, американский ученый и общественный деятель Вениамин Франклин и великий русский художник слова Ф. М. Достоевский.

Во всем этом советские люди с законной гордостью видят признание того большого вклада в мировую культуру, который внес своими произведениями русский писатель Федор Михайлович Достоевский.

* * *

ГОСПИТАЛЬ

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ЗАПИСКИ ИЗ МЕРТВОГО ДОМА»

Вскоре после праздников я сделался болен и отправился в наш военный госпиталь. Он стоял особняком в полуверсте от крепости. Это было длинное, одноэтажное здание, окрашенное желтой краской. Летом, когда происходили ремонтные работы, на него уходило чрезвычайное количество охры. На огромном дворе госпиталя помещались службы, дома для медицинского начальства и прочие пригодные постройки. В главном же корпусе располагались одни только палаты. Палат было много, но арестантских всего только две, всегда очень наполненных...

Заболевшие из арестантов у нас обыкновенно поутру объявляли о болезни своей унтер-офицеру. Их тотчас же записывали в книгу, и с этой книгой отсылали больного с конвойным в батальонный лазарет.

День был теплый, хмурый и грустный — один из тех дней, когда такие заведения, как госпиталь, принимают особенно деловой, тоскливый и кислый вид. Мы с конвойным вошли в приемную, где стояли две медные ванны и где уже дожидались двое больных, из подсудимых тоже с конвойными.

Вошел фельдшер, лениво и с властью оглядел нас и еще ленивее отправился доложить дежурному лекарю. Тот явился скоро; осмотрел, обошелся очень ласково и выдал нам «скорбные листы», в которых были обозначены наши имена.

Между тем мы переоделись. Платье и белье, в котором мы пришли, от нас отобрали и одели нас в белье госпитальное, да сверх того выдали нам длинные чулки, туфли, колпаки и толстые суконные, бурого цвета халаты, подшитые не то холстом, не то каким-то пластырем. Одним словом, халат был до последней степени грязен, но оценил я его вполне уже на месте. Затем нас повели в арестантские палаты...

Как уже сказал я, тут были и наши арестанты из острога. Некоторые из них уже знали меня или, по крайней мере, видели прежде...

До тех пор я никогда не лежал ни в какой больнице; все окружающее потому было для меня чрезвычайно ново. Я заметил, что возбуждаю некоторое любопытство. Обо мне уже слышали и оглядывали меня очень бесцеремонно, даже с оттенком некоторого превосходства, как оглядывают в школах новичка или в присутственных местах просителя.

...Подошел ко мне один больной из исправительной роты и начал уверять, что он знал многих из прежде сосланных дворян, называя их по имени и отчеству. Это был уже седой солдат; на лице его было написано, что он все врет. Звали его Чекунов. Он, очевидно, ко мне подлизывался, вероятно, подозревая у меня деньги. Заметив у меня сверток с чаем и сахаром, он тотчас же предложил свои услуги: достать чайник и заварить мне чаю.

Он достал какой-то чугунок, даже чашку, вскипятил воду, заварил чаю, одним словом, услуживал с необыкновенным усердием, чем возбудил тотчас же в одном из больных несколько ядовитых насмешек на свой счет. Этот больной был чахоточный, лежавший напротив меня, по фамилии Устьянцев, из подсудимых солдат, тот самый, который, испугавшись наказания, выпил кружку вина, крепко настояв в нем табак и тем нажил себе чахотку; о нем я уже упоминал как-то прежде...

— Ишь, холоп! Нашел барина! — проговорил он с расстановками и задыхающимся от волнения голосом.

Чекунов с негодованием оборотился к нему:

— Это кто холоп? — произнес он, презрительно глядя на Устьянцева.

— Ты холоп! — отвечал тот таким самоуверенным тоном, как будто имел полное право распекать Чекунова и даже был приставлен к нему для этой цели.

— Я холоп?

— Ты и есть. Слышите, добрые люди, не верит! Удивляется!..

Он было хотел продолжать, но страшно закашлялся на несколько минут, выплевывая кровью...

Только что Чекунов подал мне чай (мимоходом сказать, на палатной воде, которая приносилась разом на целые сутки и как-то слишком скоро портилась в нашем воздухе), отворилась с некоторым шумом дверь и за усиленным конвоем введен был только что наказанный шпицрутенами солдатик. Это было в первый раз, как я видел наказанного. Впоследствии их приводили часто, иных даже приносили (слишком уж тяжело наказанных)...

Молча помогали несчастному и ухаживали за ним, особенно если он не мог обойтись без помощи. Фельдшера уже сами знали, что сдают битого в опытные и искусные руки. Помощь обыкновенно была в частой и необходимой перемене в смоченной в холодной воде простыни или рубашке, которою одевали истерзанную спину, особенно если наказанный сам уже был не в силах наблюдать за собой, да, кроме того, в ловком выдергивании заноз из болячек, которые зачастую остаются в спине от сломавшихся об нее палок. Последняя операция обыкновенно очень бывает неприятна больному. Но вообще меня всегда удивляла необыкновенная стойкость в перенесении боли наказанными. Много я их перевидал, иногда уже слишком битых, и почти ни один из них не стонал! Только лицо как будто все изменится, побледнеет: глаза горят, взгляд рассеянный, беспокойный, губы трясутся, так что бедняга нарочно прикусывает их, бывало, чуть не до крови зубами.

Вошедший солдатик был парень лет двадцати трех, крепкого, мускулистого сложения, красивого лица, высокий, стройный, смуглотелый. Спина его была, впрочем, порядочно побита. Сверху до самой поясницы все его тело было обнажено: на плечи его была накинута мокрая простыня, от которой он дрожал всеми членами как в лихорадке, и часа полтора ходил взад и вперед по палате. Я вглядывался в его лицо: казалось, он ни о чем не думал в эту минуту, смотрел странно и дико, беглым взглядом, которому, видимо, тяжело было остановиться на чем-нибудь внимательно. Мне показалось, что он пристально посмотрел на мой чай. Чай был горячий; пар валил из чашки, а бедняк иззяб и дрожал, стуча зуб об зуб. Я пригласил его выпить. Он молча и круто повернул ко мне, взял чашку, выпил стоя и без сахару, причем очень торопился и как-то особенно старался не глядеть на меня. Выпив все, он молча поставил чашку и, даже не кивнув мне головою, пошел опять сновать взад и вперед по палате...

Между тем, смеркалось, зажгли ночник. Наконец, уже после вечернего посещения доктора, вошел караульный унтер-офицер, сосчитал всех больных, и палату заперли...

Арестантские палаты не походили на обыкновенные, и больной арестант даже и в болезни нес свое наказание. Не могу не сказать об этом хотя несколько слов, прежде чем приступлю к продолжению моего описания. Я говорю о кандалах, от которых не избавляет никакая болезнь решеного каторжника. Даже чахоточные умирали на моих глазах в кандалах...

И вот теперь, как я пишу это, ярко припоминается мне один умирающий, чахоточный, тот самый Михайлов, который лежал почти против меня, недалеко от Устьянцева, и который умер, помнится, на четвертый день по прибытии моем в палату. Может быть, я и заговорил теперь о чахоточных, невольно повторяя те впечатления и те мысли, которые тогда же пришли мне в голову по поводу этой смерти.

Самого Михайлова, впрочем, я мало знал. Это был еще очень молодой человек, лет двадцати пяти, не более, высокий, тонкий и чрезвычайно благообразной наружности. Он жил в особом отделении и был до странности молчалив, всегда как-то тихо, как-то спокойно-грустный, точно он «засыхал» в остроге. Так, по крайней мере, о нем потом выражались арестанты, между которыми он оставил о себе хорошую память. Вспоминаю только, что у него были прекрасные глаза, и право не знаю, почему он мне так отчетливо вспоминается...

За полчаса до смерти его все у нас как будто притихли, стали разговаривать чуть не шопотом. Кто ходил, — ступал как-то неслышно... Наконец, он блуждающей и нетвердой рукой нащупал на груди свою ладонку и начал рвать ее с себя, точно и та была ему в тягость, беспокоила, давила его. Сняли и ладонку. Минут через десять он умер. Стукнули в дверь караульному, дали знать. Вошел сторож, тупо посмотрел на мертвеца и отправился к фельдшеру. Фельдшер, молодой и добрый малый, немного излишне занятый своею наружностью, довольно, впрочем, счастливою, явился скоро; быстрыми шагами, ступая громко по притихшей палате, подошел к покойнику и с каким-то особенным развязным видом, как будто нарочно выдуманным для этого случая, взял его за пульс, пощупал, махнул рукою и вышел. Тотчас же отправились дать знать караулу: преступник был важный, особого отделения; его и за мертвого-то признать надо было с особыми церемониями...

Наконец, вошел караульный унтер-офицер при тесаке и в каске, за ним два сторожа. Он подходил, все более и более замедляя шаги, с недоумением посматривая на затихших и со всех сторон сурово глядевших на него арестантов. Подойдя на шаг к мертвецу, он остановился как вкопанный, точно сробел. Совершенно обнаженный, иссохший труп, в одних кандалах, поразил его, и он вдруг отстегнул чешую, снял каску, чего вовсе не требовалось, и широко перекрестился...

Но вот труп стали поднимать: подняли вместе с койкой; солома захрустела, кандалы звонко, среди всеобщей тишины, брякнули об пол... Их подобрали. Тело понесли. Вдруг все громко заговорили. Слышно было, как унтер-офицер, уже в коридоре, посылал кого-то за кузнецом. Следовало расковать мертвеца...

Великий русский писатель

В автобиографической сказке «Приключение с Крамольниковым» Щедрин писал о русском литераторе, который горячо любил свою родину и хорошо знал ее. Это знание «было живым источником болей, которые, непрерывно возобновляясь, сделались, наконец, главным содержанием его жизни... Живость боли и непрерывное ее ощущение служили источником живых образов, при посредстве которых боль передавалась в сознание других».

Эти слова могут быть полностью отнесены и к великому русскому писателю Федору Михайловичу Достоевскому, 75-летие со дня смерти которого ныне отмечают советский народ и передовые люди всего мира.

Достоевский — один из наиболее своеобразных русских писателей. Его творчество исполнено разительных противоречий. В многообразии его выдающегося художественного таланта способность воспринимать боль и выражать боль является самой замечательной чертой. Именно эту черту отмечал в Достоевском А. М. Горький.

Об унижении и оскорблении бедных, простых людей, об их обиде и боли говорит все творчество писателя. Все его произведения содержат гневный протест против власти «знатных» насильников и хищных богачей. Этот протест выражен с особой силой, потому что Достоевский был мастером психологического романа и все явления в жизни общества прослеживал, глубоко проникая в душевные переживания и сокровенные помыслы человека. Это придает произведениям Достоевского их волнующую силу. Но Достоевский прошел в своей жизни и в своем творчестве очень сложный путь. Он вступил на литературное поприще как ученик Белинского, как сторонник утопического социализма и участник революционной организации петрашевцев. Завершил же он свой путь как враг социализма и революции. В его жизни были крупные успехи и крупные неудачи. В его повестях и романах есть изумительно верные, правдивые картины русской жизни прошлого века, доставившие ему славу великого писателя-реалиста. И есть существенные отступления от реализма, доходящие до искажения русской действительности.

Понять Достоевского можно лишь в противоречиях его жизни и творчества, а корни этих противоречий уходят в противоречия современной ему общественной жизни.

Ф. М. Достоевский родился в 1821 году в Москве. Отец его был врачом в «больнице для бедных», дворянином, выбившимся из разночинцев. Семья испытывала бедность. Нужда в деньгах омрачала юность будущего писателя, преследовала затем всю его жизнь.

Свое образование Достоевский получил в Петербурге в Военно-инженерном училище. Но никакой склонности ни к военной, ни к инженерной службе у него не было. Его с ранних лет влекло к литературе. Пушкин и Гоголь оказали на него сильнейшее влияние. Его любимейшей писательницей была Жорж Санд, в произведениях которой были отражены идеи французского утопического социализма.

«Станционный смотритель» Пушкина, «Шинель» Гоголя впервые в русской литературе поставили с исключительной остротой вопрос об унижении маленьких, простых людей. Интерес к ним воспитывался и передовой французской литературой. Статьи Белинского волновали русскую прогрессивную молодежь и призывали к борьбе с крепостническим строем.

В этой идейной атмосфере родилась первая повесть Достоевского—«Бедные люди». Белинский восторженно приветствовал ее и предсказал молодому автору великую будущность. Успех был чрезвычайным и небывалым. Читателей поразили глубина проникновения в душу маленького, забитого жизнью, бедного чиновника, раскрытие в этой душе большого и прекрасного внутреннего мира, нравственная красота и благородство незаметного и скромного Макара Алексеевича, его огромное моральное превосходство над хозяевами дворянско-крепостнического общества. Повесть убедительно, правдиво говорила о том, что источник унижения и оскорбления бедных людей находится в общественной среде.

Струя демократического гуманизма проходит через повесть и делает ее одним из классических образцов русского художественного реализма. Но вскоре обнаружилось первое противоречие в творчестве Достоевского. Следующие его произведения («Двойник», «Господин Прохарчин», «Хозяйка») вскрыли расхождение с Белинским и отступление от реализма. В этих произведениях много фантастики, болезненности, пристрастия к нагромождению ужасов.

Это — не случайное противоречие. Достоевский начал свою литературную деятельность в 1846 году. Последнее его произведение («Речь о Пушкине») появилось в 1880 году. Между этими датами проходит важнейшая полоса в истории русского общества: глубокий кризис и крушение крепостнического, дворянско - помещичьего уклада и нарождение капиталистического. Кризис выразился в острой классовой борьбе. Крестьяне подымались против помещиков, назревала крестьянская революция, не раз создавались революционные ситуации, за которыми следовали периоды жестокой реакции. Развитие капитализма еще больше обострило невыносимое положение крестьян и всех трудящихся.

Рушились вековые устои. Ломка шла всюду: и в общественных отношениях и в жизни отдельных людей. Неустойчивость была и в идеологии разных социальных групп и в их морали. На смену дворянской интеллигенции пришла разночинская. Одна ее часть проникалась революционными настроениями и идеями; другая в растерянности ударялась в реакцию.

Как великий художник, Достоевский отразил в своих романах и повестях эту сложную, противоречивую картину. Но противоречия были и в его собственной душе. Она раздваивалась между революцией и реакцией. По своему мировоззрению он был сначала в лагере революции, потом—в лагере реакции. Поэтому и сложная картина современной жизни отразилась в его творчестве по-разному. Он страстно ненавидел крепостнический строй и буржуазию. Он собственными глазами наблюдал за рубежом торжество буржуазии и проникся чувством вражды и презрения к ней. Но он не доверял революции и боялся ее. Он искал выхода в религии, в нравственном самоусовершенствовании человека.

Ненависть к крепостникам и капиталистам, рожденная горячей любовью к народу, к родине, была источником верных, жизненных, правдивых и волнующих художественных образов. В этом сила Достоевского. Вражда к революции, вера в «боженьку» были источником бледных, фальшивых, безжизненных образов-недоносков. В этом слабость Достоевского.

Противоречия — еще в зародыше — были в творчестве Достоевского и в первом периоде его литературной деятельности, когда он был близок к Белинскому и примыкал к петрашевцам, русским сторонникам утопического социализма.

В 1849 году кружок петрашевцев был разгромлен. Достоевский был арестован, заключен в Петропавловскую крепость. Царское правительство признало в нем одного из самых активных участников, вменило ему в вину чтение вслух известного письма Белинского к Гоголю и осудило на смертную казнь. Лишь в последнюю минуту, когда Достоевский уже ждал команды к расстрелу, смертная казнь была заменена каторгой и ссылкой. Отбывая ее, Достоевский пробыл в Сибири до 1859 года.

В каторге Достоевский пересмотрел свои взгляды. Он разочаровался в революции и социализме. Его религиозное мировоззрение оформилось. Он пытался доказать, что спасение только в смирении, в отказе от гордого разума, в вере в бога.

Взгляды Достоевского изменились, приняли реакционный характер, но остался могучий талант писателя-реалиста, требующий писать правду о жизни, открывать силой художественного проникновения самые важные черты действительности. Правда жизни в великом художнике побеждала фальшь взглядов. Поэтому правдивы, жизненны все те его произведения, в которых лживое мировоззрение искажает лишь отдельные черты, а в основном, в главном образы верны, насыщены жизнью.

В романе «Бесы» вражда к революции взяла верх над художественной правдой, и роман оказался во многом антихудожественным пасквилем на революционное движение. Но в таких романах, как «Преступление и наказание», «Идиот», «Подросток», «Братья Карамазовы», в очерках «Записки из мертвого дома», в повестях «Село Степанчиково и его обитатели», «Дядюшкин сон» правда жизни говорит несравненно громче, сильнее, убедительнее, чем фальшивые взгляды. При всех своих противоречиях и недостатках эти произведения по праву вошли в золотой фонд русской классической литературы и в сокровищницу мировой литературы.

Во всех этих произведениях с потрясающей силой изображены ужасы эксплуататорского общества, в котором осуждены на гибель, на смерть лучшие, талантливейшие люди; в котором торжествуют насильники, люди-пауки, развратники. Это общество осудило на голод, на безмерное унижение студента Раскольникова, бросило на улицу, на рынок женского тела милую Сонечку Мармеладову. И хотя сам автор подсовывает явно искусственно, совсем неубедительно своим героям «смирение», читатель всегда делал свой вывод о невозможности ни смириться перед этим обществом, ни принять индивидуальные методы борьбы.

Таковы и другие романы. В «Идиоте»—такая же яркая, правдивая картина буржуазного хищничества. «Миллион» опьяняет людей, доводит до накала самые грязные страсти.

В «Братьях Карамазовых» созданы замечательные образы социально-политического и морального распада дворянского общества, его полного вырождения и растления в виде «карамазовщины» и «смердяковщины». Это образы такой же силы и такого же литературного значения, как образы Иудушки Головлева у Щедрина, всей «Пошехонской старины».

В этих романах подняты важнейшие вопросы, волнующие и поныне читателей в разных странах, не потерявшие своей актуальности и остроты. Это вопросы о праве и возможности самого существования озверевшего капиталистического общества с его современным рабовладением, о положении человека в обществе, о социализме и религии, о свободе воли, об источниках морали, о любви и красоте, о добре и зле. Вопросы поставлены на жизненном материале, в сильных художественных образах, поставлены иногда в страстных спорах, в монологах и в диалогах, на которые Достоевский был великий мастер, — поставлены не дидактически, не в схемах, а в самом художественном развитии романа, средствами литературного искусства.

* * *

75 лет прошло со дня смерти Достоевского. Его мировая слава прочно утверждена. Но вокруг его имени ведутся до сих пор страстные споры.

Буржуазная литература старается использовать все реакционные стороны в творчестве Достоевского. Игнорируя и извращая его художественное наследство, его высокое литературное мастерство, возвеличивают Достоевского как религиозно-философского мыслителя, как публициста, автора «Дневника писателя» с его реакционной проповедью. «Достоевщина» интересует реакционеров больше, чем Достоевский.

Но пока существуют в мире страны, в которых помещики, капиталисты с благословения церкви зверствуют над простыми, трудящимися людьми; пока изощряются торговцы оружием в новейших средствах истребления людей; пока ученые лакеи Смердяковы оправдывают мерзость прогнившего и осужденного на гибель общественного строя; пока идет дикая охота на всякую честную мысль, на всякое правдивое слово об этом преступном обществе, покрытом кровью и грязью,—до тех пор художественные образы Достоевского будут волновать лучших людей. Они будут возбуждать в них гнев и протест против капитализма, звать на революционную борьбу.

В нашей стране произведения великого писателя, испытавшего так много тяжелого на своем веку, не только знакомят с враждебным нам обществом, но и зовут к непримиримой борьбе со всеми остатками карамазовщины, с пережитками капитализма в сознании людей. Мы должны ясно различать прогрессивные и реакционные стороны в творчестве Достоевского, не замазывать противоречия, не наводить «юбилейный глянец». Мы должны спорить с Достоевским и оспаривать его. И мы с благодарностью храним в наследстве Достоевского то, что составляет непреходящую его силу: правдивое, реалистическое художественное слово, искреннюю любовь писателя к родному народу и веру в силы, в талант народа.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ.